

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.

Книга *Стивена Пинкера* представляет собой увлекательное объемное обозрение-анализ достижений и открытий, заблуждений и обманов в науке, научных дискуссий и публичных склок в академической среде и в университетской жизни, яростных споров, свар и угроз в средствах массовой информации и на митингах, неоправданных восхвалений и необоснованных обвинений ученых, преподавателей и политиков. Все это в связи с главным вопросом книги: что и насколько в человеке определено (предопределено) генетически, а что и насколько сформировано (предопределено) воспитанием и культурой средой.

На первый взгляд, этот вопрос при всей его существенной важности для человека и человечества не может иметь такой же важности в сфере собственно финансов и бизнеса. А потому читателям журнала «Финансы и бизнес» этот вопрос может показаться любопытным и актуальным лишь, когда читатель находится за рамками тематики и проблематики журнала, в общем, вне своей профессии. Однако уже первые десятки страниц книги *С. Пинкера* убеждают, что вопрос интересен и в указанных рамках.

В целом же книга оставляет впечатление, что если бы все то, обозрение чего в ней представлено, было бы известно в последнее двадцатилетие мира XIX в., то, возможно, первое двадцатилетие России XX в. было бы иным. Впрочем, это впечатление не более, чем преувеличение, ибо первому двадцатилетию XXI в. книга известна, но ее влияние на социальную жизнь незаметно (впервые книга опубликована в 2002 г. на английском языке под названием «*The Blank Slate. The Modern Denial of Human Nature*»). И это не удивительно: революционера не останавливает неудача других, узнав о ней, он говорит, что пойдет другим путем и затем уверенно идет и ведет в неизвестное. Катастрофа или тупик, болото и т.д. в пути приводит к смене пути, но не цели. Последняя всегда прекрасна и благородна: улучшить другого (почти всегда другого) человека, хотя бы и ценой его самого.

Стивен Пинкер (Steven Pinker) – профессор психологии («именная профессура») кафедры психологии (Department of Psychology. URL: <https://psychology.fas.harvard.edu>) факультета искусств и наук Гарвардского университета (сайт С. Пинкера в университете: URL: <https://stephenpinker.com>).

Книга, о которой пойдет речь, пока последняя из книг *С. Пинкера*, изданных на русском языке, но не последняя из его книг, изданных на английском. Язык книги (в ее переводе) замечателен: изящно точные формулировки содержательно сложных концепций, снабженные поясняющими примерами, в том числе демонстрациями парадоксов эволюции организмов, обилие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, обрамленных наборами лаконично отчеканенных простых, нередкая ироничность, сквозь которую прорывается, оставаясь в рамках изысканной вежливости, бурное возмущение и негодование автора, холодный английский юмор в духе *Чарльза Диккенса* и язвительность в духе *Уильяма Теккерея*.

Без ницшеанского вызова, без модернистского эпатажа, без фетишизаций, часто сопровождающих и туманящих современную гуманитаризацию общественной жизни и превращающих некоторые аспекты гуманизации научной и политической жизни в насмешку над гуманизацией, автором анализируются проблемы человеческой сущности. Те ее проблемы и ипостаси, существование которых

либо отрицается, либо, если признается, то сопровождается немедленной и скандальной поляризацией признающих. Поляризацией, оставляющей впечатление, что некоторые из поляризовавшихся и поляризованных определенно извлекли пользу из чтения «Молота ведьм» (в книге *С. Пинкера* немало описаний «охот на ведьм», в том числе в академической среде).

Тем, кто считает последнее неумеренной фантазией рецензента, процитируем самого *С. Пинкера*: «Табу на исследования человеческой природы не только надевают шоры на ученых, но и превращают каждую дискуссию на эту тему в ересь, которую необходимо заклеить. Многие авторы так отчаянно хотят дискредитировать любое предположение о врожденном характере человеческих свойств, что выбрасывают в окно и логику, и цивилизованность... Анализ идей зачастую замещается политический клеветой и личными оскорблениями. Этот яд, разлитый в интеллектуальной атмосфере, лишил нас инструментов для анализа острых вопросов человеческой природы именно тогда, когда новые научные открытия делают их особенно актуальными. Отрицание человеческой природы вышло за рамки академических кругов и привело к обрыву связей между интеллектуальной жизнью и здравым смыслом» (с. 10).

В предисловии книги *С. Пинкер* характеризует ее как «книгу о нравственной, эмоциональной и политической окраске концепции человеческой природы в современной жизни» (с. 8). Отметим как очень важное для понимания направленности книги: речь в ней идет не о собственно концепции человеческой природы, а о нравственной, эмоциональной и политической окрасках этой концепции.

Аксиологический — из тех аспектов финансов и бизнеса, нелицеприятный анализ которых зачастую раздражает бизнесменов, но привлекает всех остальных. Это естественно, ибо самооценку и ценность прибыли — не одно и то же, особенно, когда речь идет не о создании, а о распределении прибыли. Последнего без представления о ценностях и на нем основанного не бывает, так уж «устроен» человек. Соответственно этому называются адресаты книги. *С. Пинкер* объявляет: она «для тех, кто подозревает, что табу на человеческую природу вынуждает нас играть неполной колодой, в то время как давление острых вопросов современности только усиливается; и для тех, кто понимает, что исследования мозга, разума, генов и эволюции постоянно меняют наш взгляд на самих себя; для тех, кто хочет знать, изменятся ли под влиянием новой информации о человеческой природе те ценности, которые мы считаем исключительно важными, — ослабеют ли они, сохранят ли свои позиции, или (как я считаю) обогатятся» (с. 12).

Будучи решительно на стороне этих «подозревающих» и «понимающих», *С. Пинкер* большую часть книги посвятил изложению и анализу их аргументов и аргументов их противников. Полемика столь живо и ярко представлена на страницах книги, что, читая, хочется немедленно включиться в нее и высказать свое мнение, настолько хочется, что за неимением возможности войти в реальность свое мнение-вразумление приходится писать на полях страниц.

Несколько смущает, правда, что аргументы тех, на стороне которых *С. Пинкер*, как правило, основаны на достижениях современной науки, а потому рациональны, логичны и убедительны. Да и в этическом плане те, кого он защищает, показаны намного привлекательнее их противников. Последние, мало того, что для них, оказывается, все средства хороши и они в них неразборчивы, так и аргументы их часто основаны на чувствах и убедительны лишь как эмоции.

Подобная асимметрия характера аргументов сторон полемики подозрительна сама по себе: как будто те, что эмоциональны, но не рациональны, исполняют роль адвоката дьявола, обостряющего, но все же убедительно бессильного

в обряде беатификации, проводимом *С. Пинкером* для причисления к лику будущего признающих «новую» природу человека. Впрочем, может быть, асимметрия обусловлена разной эффективностью аргументов и, к тому же, как напоминает *С. Пинкер*, «добро и зло асимметричны: существует гораздо больше возможностей навредить людям, чем помочь им. Плохими поступками можно доставить больше неприятностей, чем осчастливить хорошими делами» (с. 26). Но все же и в общем, такое впечатление, что противники *С. Пинкера* в войнах настоящего сражаются мечами и щитами прошлых ценностей, принимаемых ими за вечные и единственно надежные, тогда как те, на стороне которых сам *С. Пинкер*, ведут войны настоящего ценностями будущего и ради будущего. Или что идет сражение в настоящем между принципами должного из жизни прошлого с принципами сущего из жизни будущего. В общем, в любом случае остается впечатление борьбы нехороших против хороших. Но, может быть, такое впечатление от нелюбви рецензента к черно-белым картинам, в нашей стране их насмотрелись и от них натерпелись многие.

К тому же у *С. Пинкера* и без нас хватает критиков, правда, не его позиции в целом, а отдельных положений и аргументов позиции. Пример, достаточный для представления об ожесточенности спора, — одно из высказываний гуру рисков черных лебедей и «жирных хвостов», прикидывающимися нормальными распределений, — *Н. Н. Талеба*, упомянувшего в своей недавней книге *Р. Докинза* и *С. Пинкера* и так объяснившего, почему он это сделал: «Я назвал имена *Докинза* и *Пинкера*, потому что они бойцовыми псами бросаются на тех, кто ставит теорию эгоистичного гена под сомнение, причем не могут ничего сказать о математической стороне дела (они ее не понимают), зато продолжают лаять»¹.

Но, как во всякой приличной полемике, есть и другие мнения о *С. Пинкере*. Упомянутая книга *Н. Н. Талеба* впервые издана в США в 2018 г. А ранее, в 2011 г. журнал *Foreign Policy* включил *С. Пинкера* 48-м в свой список мыслителей — творцов на глобальном рынке идей². Еще ранее, в 2004 г. журнал *Time* включил *С. Пинкера* вторым по категории «Ученые и мыслители» в свой список 100 «самых влиятельных людей в мире сегодня». Впрочем, мнения *Н. Н. Талеба* и журналов, возможно, и не противоречат друг другу (такое бывает).

Поскольку при выборе книги интересно не то, что думает ее рецензент о теме книги, а что думает и излагает автор книги, то мы переходим к содержанию книги и далее попробуем изложить основные положения, которые *С. Пинкер* защищает, и аргументы, которые он для этого использует, и те положения и аргументы, которые в его пересказе выдвигают противники. Сначала немного о главных понятиях книги.

Отмечая, как наличествующее, что «философия сегодня не пользуется уважением. Многие ученые употребляют этот термин как синоним бесплодных размышлений», *С. Пинкер* говорит, что «на самом деле философские идеи не бесплодны и не пусты — они могут влиять на умы столетиями. “Чистый лист” и сопровождающие его доктрины проникли в массовое сознание нашей цивилизации и постоянно всплывают на поверхность в самых неожиданных местах» (с. 26–27).

Ибо, «как религия содержит теорию природы человека, так и теории человеческой природы выполняют некоторые функции религии, и “чистый лист” стал таким светским вероучением в современной интеллектуальной жизни. Эта идея

¹ The FP Top 100 Global Thinkers // Foreign Policy. December 2011. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/11/28/the_fp_top_100_global_thinkers?page=0,36.

² The 2004 Time 100. Our list of the most influential people in the world today. URL: <http://content.time.com/time/specials/packages/completelist/0,29569,1970858,00.html>.

становится источником ценностей, и тот факт, что основана она на чуде – сложнейший разум, возникающий буквально из ниоткуда! – не становится аргументом против нее» (с. 17). Для пояснения «из ниоткуда» заметим, что у *С. Пинкера* «“чистый лист” – это вольный перевод средневекового латинского термина *tabula rasa* (буквально – “очищенная дощечка”, предназначенная для письма)» (с. 19).

Доктрина «чистого листа» стала, как считает *С. Пинкер*, «священной короной современных политических и этических убеждений», «в соответствии с этой доктриной любые различия, которые существуют между расами, этническими группами, полами и отдельными личностями, происходят не из врожденных качеств, а из различного жизненного опыта. Измените опыт, реформируя методы воспитания, образования, средства массовой информации и систему социальных вознаграждений, – и вы измените человека. Социальное отставание, бедность и асоциальное поведение можно искоренить, и, более того, не делать этого – безответственно» (с. 20). Эта концепция, хотя и под другими названиями – например, коммунистическое воспитание, – хорошо знакома жившим в советскую эпоху, а ее реалистичность проверена 70-летней практикой жизни при социализме. Сам же *С. Пинкер* цитирует *Мао Цзэдуна*, «оправдывающего свою радикальную социальную инженерию следующим образом: “Самые прекрасные поэмы написаны на чистых страницах”» (с. 27).

Наряду с доктриной «чистого листа» и часто в связи с ней *С. Пинкер* рассматривает еще две доктрины – «благородного дикаря» и «духа в машине». В совокупности эти доктрины образуют, по *С. Пинкеру*, «святую троицу» – см. главу 7 книги с таким названием. Глава начинается эффектной формулировкой: «Науки о поведении человека – не для слабаков» (с. 156) и дает этому убедительное подтверждение.

Он пишет: «В одно прекрасное утро ученый может проснуться и обнаружить, что он теперь персона нон грата, и все из-за выбранной им области исследований или данных, на которые он натолкнулся... Даже такое безобидное занятие, как изучение левшей, оборачивается хождением по минному полю. В 1991 г. психологи *Стенли Корен* и *Дайана Халперн* опубликовали в медицинском журнале статистику, показывающую, что левши в среднем имеют больше осложнений во внутриутробном периоде и в первые дни после рождения чаще становятся жертвами несчастных случаев и умирают раньше правшей. Оскорбления со стороны возмущенных левшей и их защитников, включая угрозу судебного преследования, бесчисленные угрозы убийством и запрет на опубликование результатов исследования в академическом журнале, посыпались незамедлительно» (с. 156).

«Благородный дикарь» нам хорошо знаком по литературе – эпохи Просвещения, народнической, деревенщиков, об индейцах... Многих пленяли благородные индейцы *Майн Рида*, бедная *Лиза Н. М. Карамзина*, мудрые и нравственно чистые члены сельских общин, во всех их формах, вплоть до колхозной. Хотя «простодушный» *Гурон Вольтера* вызывал ироничную улыбку. При этом не только *Жан-Жак Руссо* стремился к оксюмору – жить как «благородный дикарь», но с комфортом, последнему не только недоступным, но и неизвестным.

Доктрина «Дух в машине» как тема возникла в связи и на основе идей *Томаса Гоббса* и *Рене Декарта*. Но актуализировалась позднее, о чем *С. Пинкер* пишет: «Социальные науки XX в. приняли в свои объятия не только “чистый лист” и “благородного дикаря”, но и последнего члена троицы – “духа в машине”. Завяление, что мы можем изменить в себе все, что нам не нравится, стало своего рода лозунгом социальных наук. Однако это только обострило вопрос: “Кто или что же такое “мы”»? (с. 45).

Всей своей книгой *С. Пинкер* стремится «показать», как «новые идеи с четырех фронтов познания — наук о разуме, мозге, генах и эволюции» «заполняют “чистый лист”», развенчивают “благородного дикаря” и изгоняют “духа из машины”» (с. 48).

Книга состоит из шести частей, разделенных на 20 глав, библиографии на 34 страницах и предметно-именного указателя на 12 страницах.

Часть I с названием «“Чистый лист”», “благородный дикарь” и “дух в машине”» открывается предисловием, начинающимся словами «У всех есть собственная теория человеческой природы» (с. 15), за которым следует глава 1 «Официальная теория». Предисловие и глава содержат разъяснения того, что в книге понимается под указанными терминами. Автор не дает их определений и правильно делает: можно пояснить, но нельзя точно определить точно не определяемое.

Во второй главе (в русском переводе она озаглавлена метафорой «Умный пластилин», что содержательно не соответствует метафоре в англоязычном оригинале: «Silly Putty», название популярной в США детской игрушки) *С. Пинкер* посредством цитат и отсылок показывает, как в XVIII—XX вв., постепенно осваивая, развивая и укореняя во множестве разнообразных областей жизни доктрину «чистого листа» — все с безусловно благородными целями (борьба с расизмом, социальным неравенством, неравенством полов, заблуждениями евгеники и пр.), социальные науки вели к тому, что негативные побочные эффекты этой доктрины стали перерастать ее достоинства, а затем — в XX в. — препятствовать им. Речь здесь о достоинствах не абсолютных, но лишь в применении к определенным эпохам, а о негативных побочных эффектах — в смысле, который мы уподобим тому, что вложен ГОСТом Р 52379-2005 «Надлежащая клиническая практика» в понятие нежелательного явления: «Любое выявленное у пациента или субъекта клинического исследования после применения лекарственного продукта неблагоприятное с медицинской точки зрения событие, которое может и не иметь причинно-следственной связи с его применением».

Третья глава «Последнее препятствие» — о той, «теперь единственной, последней стене», что, по убеждению *С. Пинкера*, «заслоняет нам ландшафт познания: та, которую социологи XX в. особенно ревностно охраняли. Она отделяет материю от разума, материальное от духовного, физическое от психического, биологию от культуры, природу от общества, а также естественные науки от общественных наук, гуманитарных дисциплин и искусства. Это разделение встроено в каждую из доктрин официальной теории: “чистый лист”, продукт биологии — в противовес тому, что заложено опытом и культурой; “благородство дикаря” в естественных условиях — в противовес пагубному влиянию социальных институтов; машина, следующая непреложным законам, — в противовес духу, свободе делать выбор и улучшать человеческую природу» (с. 48). *С. Пинкер* доказывает, что «и эта стена уже шатается» (с. 48).

В основе содержания третьей главы лежит вычислительная теория разума (с. 50), проводимая далее по всей книге с упреждающей оговоркой, что ее название «это не то же самое, что “компьютерная метафора”» (с. 50) и «не означает, что мозг работает как электронная вычислительная машина» (с. 52). Именно эта теория, порожденная «когнитивной революцией» (с. 49), привела, по мнению *С. Пинкера*, к тому, что «многие постулаты “чистого листа”, раньше казавшиеся привлекательными, сейчас выглядят неуместными и противоречивыми». Но возможности и новой теории разума *С. Пинкер* считает заведомо ограниченными. На этот счет он еще ранее вполне определенно высказался в другой своей книге «Как работает мозг» (М., 2017): «Когнитивная ограниченность просто не может не быть правдой, если мы знаем, о чем говорим» (с. 615) и «Самое неопровержимое

явление — наше собственное сознание — будет всегда за пределами нашего понимания» (с. 616–617).

В третьей главе *С. Пинкер* выделяет «пять идей, которые принесла с собой когнитивная революция и которые перекроили наши представления о разуме» (с. 49): 1) «психический мир может быть связан с физическим миром с помощью понятий информации, вычисления и обратной связи» (с. 49), что приводит к возможности изучения мышления, интеллекта как информационного процесса и отказу от «духа из машины»; 2) «разум не может быть “чистым листом”, потому что “чистый лист” ничего не может» (с. 52), в том смысле «ничего не может», что стерильно чистое поле не может ничего родить, что-то в человеческой природе должно быть естественно-эволюционным путем, генетически укоренено, с тем чтобы она была способна воспринимать и быть способной воспитываться, приспособляться и потому существовать; 3) «бесконечное разнообразие поведения может быть создано конечным количеством комбинаторных программ разума» (с. 54), так, например, при всей кажущейся произвольности построения языка он таковым все же не является; 4) «в основе поверхностных различий мировых культур могут лежать универсальные психические механизмы» (с. 55), что иллюстрируется разнообразием языков с характерным для него огромным множеством словарей, но небольшим множеством принципиально различных грамматик; 5) «разум — сложная система, состоящая из множества взаимодействующих частей» (с. 58), наше сознание модульно организовано.

Отчасти суть выражаемой этой главой и ее идеями позиция *С. Пинкера* заключается, попросту говоря, в том, что мы таковы, потому что мы именно так устроены, устроены в том смысле, что мы рождаемся приспособленными к тому, что можем быть таковыми; мы способны быть психически разнообразными и психически приспособлены и способны приспособляться к разнообразию окружающей среды, но все это лишь в определенных, хотя и весьма широких спектрах психического разнообразия и разнообразия окружающей среды, и спектр психического разнообразия не нами задан и не нам его расширять (чтобы не быть ложно понятыми, заметим, что *С. Пинкер* — атеист). И потому «сегодня просто ошибочно спрашивать, гибки ли люди или же жестко запрограммированы, универсально ли поведение или отличается в разных культурах, врожденны ли действия или выучены, добры ли мы в основе своей или злы. Поведение людей гибко, потому что они запрограммированы; их разум напичкан комбинаторным программным обеспечением, которое может генерировать бесконечное количество мыслей и действий. Поведение может варьировать от культуры к культуре, но дизайн психических программ, порождающих его, не обязан меняться. Разумное поведение успешно усваивается, потому что у нас есть врожденные системы научения» (с. 60). Важное добавление: эволюция, как генералы, всегда готовит к войнам прошлого, а не будущего, и «настоящий смысл наших побуждений в том, что они сохраняли гены наших предков в окружающей среде, в которой эволюционировал человек» (с. 222). В немалой степени именно этим объясняется разумно неразумное экономическое поведение человека (с. 373–374).

Исходя из вычислительной теории разума с ее материальным источником в виде модулированной нейронной сети мозга, *С. Пинкер* в главе 4 «Ценители культуры» доказывает, что нейронная сеть так устроена, что обеспечивает нас способностью обучаться (дар научения, с. 82), а она, в свою очередь, основа того, что именуется культурой. Одно из главных условий возникновения и существования во времени человеческой культуры — то, что «наш разум оснащен механизмами, предназначенными для чтения целей других людей, что позволяет

нам копировать их целенаправленные действия» (с. 85), ибо «разум, не умеющий распознавать представления и намерения других людей, даже если он и может учиться другими способами, не способен к усвоению культурных навыков». Для позиции *С. Пинкера* по культуре здесь ключевые слова: «оснащен» и «предназначенными» (еще раз напомним, что *С. Пинкер* атеист и «оснащение» следует понимать в естественно-эволюционном смысле). В результате возникает культура и ее проявления в социальной реальности: «...самые очевидные образцы — деньги и правовые нормы. Но социальные факты полностью зависят от намерения людей относиться к ним, как к фактам. Это характерное качество общества, и мы видим тому примеры, когда люди отказываются доверять иностранной валюте или признавать власть самопровозглашенного лидера... Социальная реальность существует только внутри группы, но зависит она от познавательных способностей каждого индивидуума: его способности понять общественное соглашение, подтверждающее власть или статус, и соблюдать его в течение того же времени, что и другие» (с. 88). Попутно (ведь глава 4 называется «Ценители культуры») *С. Пинкер* отмечает, что «сохранение культурного разнообразия считается сегодня одной из важнейших ценностей, однако носители этого разнообразия не всегда с этим согласны» (с. 90). Жизнь мигрантов дает этому примеры в количестве намного большем, нежели было известно, когда *С. Пинкер* писал книгу. В итоге *С. Пинкер* приходит к выводу, что культура — продукт человеческих стремлений, а не нечто, определяющее их (с. 93), и тогда логично, что «история и культура опираются на психологию, которая, в свою очередь, основывается на информатике, нейронауках, генетике и эволюции» (с. 94). Напрашивающееся при этом обвинение в «плохом редуccionизме» *С. Пинкер* отвергает, апеллируя к «хорошему редуccionизму» (с. 94–97) и заключая главу утверждением: «...наше понимание самих себя и наших культур только обогатится знанием, что психика — это сложные нейронные сети, предназначенные для мышления, чувствования и научения, а не “чистый лист”, бесформенная масса или непостижимый дух» (с. 97).

Заключительная глава первой части, названная «Последняя линия обороны “чистого листа”» «посвящена трем научным достижениям, которые часто интерпретируют как подрывающие саму возможность существования сложной человеческой природы» (с. 99) — расшифровке генома человека с обнаружением, что количество генов в нем значительно меньше, чем предполагалось, успехам компьютерных моделей нейронных сетей в объяснении когнитивных процессов, достижениям в исследованиях нейропластичности мозга в процессе развития. По *С. Пинкеру*, «бедный геном, коннекционизм и экстремальная пластичность — последняя линия обороны “чистого листа”» (с. 100). Для преодоления «последней линии» *С. Пинкер* формулирует «цель этой главы — доказать, что подобные заявления не подтверждение доктрины “чистого листа”, а ее продукт» (с. 101). И доказывая это, попутно замечает: «Вот пример синдрома, который мы будем встречать повсюду в этой книге: научные открытия искажаются до неузнаваемости, чтобы вложить в них нравственный смысл, достичь которого было бы гораздо легче на другой почве» (с. 104). Рожденным в СССР этот синдром хорошо известен. Оказывается, он хорошо знаком и западной науке.

Вторая часть книги — «Страх и ненависть», состоящая из двух глав: главы 6 «Ученые-политики» и главы 7 «Святая троица» (о ней см. выше) — «посвящена политически мотивированной реакции на новые науки о природе человека» (с. 136). К середине второй половины XX столетия «доктрина “чистого листа”, которая большую часть столетия была затуманена идеалами равенства и прогресса, начала трещать по швам», и открытия новых наук о человеке «поставили интеллектуалов

перед новым выбором» (с. 135). Как замечает *С. Пинкер* в предисловии ко второй части, «трезвые умы могли бы объяснить, что подобные открытия не должны влиять на политические идеалы равных возможностей и равных прав, потому что идеалы — это моральные принципы, регулирующие отношения между людьми, а не научные гипотезы о том, что представляет собой человек. ...Но это не были времена трезвых умов. Вместо того чтобы отделить моральные доктрины от научных... многие интеллектуалы, включая некоторых всемирно известных ученых, сделали все возможное, чтобы их связать. Открытия в области человеческой природы встречались со страхом и ненавистью, их считали угрозой идеалам прогресса. Сегодня такой подход мог бы уже стать историей, если бы не факт, что эти интеллектуалы, в то время называвшие себя радикалами, нынче сделались столпами науки и посеянные ими опасения перед человеческой природой пустили корни в современной интеллектуальной жизни» (с. 135–136).

Главу об ученых-политиках *С. Пинкер* начинает с воспоминаний, связанных с книгой *Дж. Вейценбаума* «Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям». Об этой, некогда популярной в СССР книге (на русском языке издана в 1982 г.), *С. Пинкер* говорит, что у него «были определенные опасения в отношении этой книги, в которой было маловато аргументов, зато ханжества — в избытке» (с. 137). А о развернувшихся в Америке дискуссиях в связи с идеями книги *Дж. Вейценбаума*, *С. Пинкер* пишет то, что в разных вариациях потом неоднократно повторяет на последующих страницах о «чистом листе»: «По-другому я представлял себе, как проходят научные дискуссии в “американских Афинах”, как называют Бостон, но, возможно, мне не стоило удивляться. Битвы мнений веками сопровождалась крикливым морализаторством, шельмованием оппонентов, преувеличениями, а то и приемами похлеще. Казалось бы, наука должна быть плацдармом, где сталкиваются идеи, а не люди, и где объективные факты отделяются от политических мнений. Но, когда наука приближается к вопросу о человеческой природе, наблюдатели реагируют не так, как они реагировали бы, например, на открытия в области происхождения комет или классификации ящериц, и ученые возвращаются на морализаторские позиции, естественные для нашего вида» (с. 138). Картина, хорошо известная и нашим, отечественным ученым.

Во второй и последующих частях книги *С. Пинкер* расцветивает эту картину множеством примеров подобных «научных дискуссий». И, надо признаться, расцветивает он ее так, что мало какой из телесериалов сравнится по удовольствию, им доставляемому, с тем, что отражает пинкеровская картина полемики в политической жизни, в академической среде и прочем. Настолько интересно читать и при этом сопоставлять то, что показывает *С. Пинкер*, с тем, что сам видел в советской и постсоветской жизни, что видишь сегодня и не только вдали, у небожителей, а неподалеку от себя, стоит только оглядеться и посмотреть внимательнее на отечественные науку, политику, финансы, бизнес и, конечно, на здравоохранение (в ракурсе ничтожного размером и могучего множеством и последствиями коронавируса).

С. Пинкер видит причины того, что «критика новых наук о человеческой природе пошла гораздо дальше обычных академических дебатов» и «переросла в оскорбления, инсинуации, намеренно ошибочные интерпретации, фальсифицированные цитаты и в последнее время — в кровавые наветы» (с. 154), в первую очередь, в том, что «в XX в. “чистый лист” стал священной доктриной, которая в глазах ее защитников должна или приниматься на веру полностью, или отвергаться целиком. Однако такое черно-белое мышление может привести к подмене

тезиса о врожденном характере некоторых аспектов человеческого поведения представлением, что все его стороны изначально обусловлены природой, или превратить предположение, что генетические черты влияют на человеческие поступки, в идею, что они определяют их» (с. 154). Далее следует хорошо известное всем по XX в.: «если обычные стандарты научной аргументации не срабатывали, приходилось применять другие приемы, потому что под угрозой высшее благо» (с. 155).

Часть III книги названа: «Человеческая природа с человеческим лицом». Указание на то, что что-то «с человеческим лицом», привычно настораживает (один раз мы крупно ошиблись, поверив в возможность его обрести путем социального переустройства). И поэтому не кажется странным, что названия всех глав этой части книги начинаются со слова «страх»: глава 8 «Страх неравенства»; глава 9 «Страх невозможности совершенствования», глава 10 «Страх детерминизма», глава 11 «Страх нигилизма». Этими четырьмя главами *С. Пинкер* стремится доказать необоснованность четырех страхов, порождаемых ошибочными интерпретациями новых открытий в науках о человеческой природе: 1) «если люди от рождения разные, то оправданы подавление и дискриминация»; 2) «если люди внутренне аморальны, то бесполезно надеяться на лучший удел человеческий»; 3) «если человек — продукт биологии, тогда свобода воли — миф и мы больше не сможем возлагать на людей ответственность за их поступки»; 4) «если человек — продукт биологии, жизнь не имеет высшего смысла и цели» (с. 177).

Необоснованность и продуктивную опасность первого страха *С. Пинкер* доказывает со ссылками на множество авторитетов, в частности, показывая, что на «самом деле существование присущих от рождения различий в способностях делает концепцию *Ролса* о социальной справедливости особенно актуальной и всегда уместной» (с. 191). Цитируя *Ч. Дарвина* и *Ф. Хайека* и ссылаясь на примеры из истории, он доказывает опасные последствия «неравного отношения во имя равенства»: «переложение налогового бремени на богатых, высокие налоги на недвижимость, распределение учеников в классы по возрасту, а не по способностям, квоты и предпочтения, оказываемые определенным расам или районам, ограничения, касающиеся частной медицины, доступной не для всех» (с. 192). История XX века дает множество оснований утверждать, что «если мы считаем, что люди рождаются одинаковыми, но некоторые из них добиваются большего богатства и успеха, чем другие, мы можем сделать вывод, что те, кто богаче, должно быть, более жадны и ненасытны. И как только диагнозом вместо таланта признается грех, лекарством вместо перераспределения становится месть. Многие зверства XX в. были совершены во имя эгалитаризма, и жертвами стали люди, чей успех использовался в качестве доказательства их преступности» (с. 192). Неразрешимые дилеммы: «правые социал-дарвинисты не считают важным равенство, левый тоталитаризм не придает значения свободе. Левые последователи *Ролса* готовы пожертвовать некоторым количеством свободы во имя равенства, правые либертарианцы — некоторым количеством равенства ради свободы» (с. 193). Интересно мнение *С. Пинкера* о том, как «идеология “чистого листа” помогает объяснить некоторые особенности, характерные только для марксистских государств» (с. 199–201).

Второй из вышеназванных страхов (глава 9), если выразить в утрированной форме, то он в том, что «те, кто верит, что коммунизм или социализм — наиболее разумная форма общественного устройства, приходят в ужас от предположения, что она идет вразрез с нашей эгоистичной природой» (с. 205). *С. Пинкер* утверждает, что «страх, что улучшения невозможны, и вытекающее из него тяготение

к “чистому листу” основаны на паре ложных заключений»: «натуралистической ошибке, убеждении, что все, что происходит в природе, — хорошо» и «моралистической ошибке: если какая-то черта нравственна, она должна существовать в природе» (с. 206). Трудности указания, понимания и опровержения этих заключений, в первую очередь, в том, что «защитники натуралистической и моралистической ошибок — не соломенные чучела, это выдающиеся ученые и писатели» (с. 206).

С. Пинкер, конечно, прав, утверждая, что «как только мы поймем, что в результатах эволюции нет ничего похвального с точки зрения морали, мы сможем описать человеческую психологию честно, не опасаясь, что назвать “природные” черты — значит оправдать их» (с. 207). Прав он и в том, что «врожденные человеческие желания — помеха для людей с утопическими и тоталитарными взглядами, которые часто сводятся к одним и тем же представлениям. Если что-то и стоит на пути большинства утопий, так это не эпидемии и наводнения, а человеческое поведение. Так что утопистам нужно придумывать способы контроля поведения, и, когда не справляется пропаганда, приходит очередь более впечатляющих методов. Как мы видели, марксистские утопии XX в. нуждались в *tabula rasa*, людях, свободных от эгоизма и семейных уз, и использовали тоталитарные меры, чтобы очистить таблички до основания или начать все сначала с новыми» (с. 215).

Но главного при этом *С. Пинкер* не замечает: второе из этих утверждений является препятствием исполнению первого, и приверженцев и им сочувствующих у второго намного больше, чем стремящихся и могущих понять то, о чем говорится в первом. Ведь именно человеческая природа, которой *С. Пинкер* посвятил книгу, не дает надежде «как только мы поймем...» вырваться из пифоса, в котором, по словам Гесиода, осталась только надежда, когда по воле Зевса Пандора захлопнула пифос (как это обычно бывает в реальности, все плохое вырваться успело). И если Гесиод в «Трудах и днях» был правдив, повествуя об этом историческом событии, и в пифосе действительно ничего кроме надежды не осталось, то, может, это и к лучшему. Будет не только жаль, но и обидно, поняв то, на понимание чего надеется *С. Пинкер*, обнаружить, что именно человеческой природой (ницшеанское: «человеческое, слишком человеческое») мы лишены способности «описать человеческую психологию честно», и попытка реализовать такую способность — всего лишь очередная утопия на тему «человеческой природы с человеческим лицом».

Следующая, глава 10 «Страх детерминизма», безусловно, будет интересна юристам: в ней содержатся философско-правовые рассуждения о смысле и назначении уголовного наказания. Здесь *С. Пинкер* откровенно пишет то, что обычно писать остерегаются: «...наказание, даже исходя из чувства справедливости, в конечном счете есть политика устрашения» (с. 228). *С. Пинкер* заканчивает главу словами: «...более всего я надеюсь, что разоблачил две ошибки, из-за которых науки о природе человека вызывают необоснованный страх. Первая ошибка — что биологическое толкование размывает ответственность, а средовое — нет. Вторая ошибка — что объяснение причин поведения (как биологических, так и обусловленных влиянием среды) подрывают ответственность, а вера в свободную волю и душу — нет» (с. 234–235). К сожалению, пока это остается лишь надеждой, аналогичной той, с которой некогда читались лекции об атеизме, но безбожникам они были ни к чему, а верующие им не верили.

Последняя реплика навеяна изящной формулировкой из следующей главы 11 «Страх нигилизма», которая посвящена «последнему опасению, связанному с биологическим толкованием разума, — то, что оно может лишить нашу жизнь смысла и цели» (с. 236): «...мы должны отвергнуть аргумент, что, если люди перестанут верить в Божественное воздаяние, они будут безнаказанно творить зло. Да,

неверующих, надеющихся, что они смогут ускользнуть от правосудия, осуждения общества и собственной совести, не удержит угроза провести вечность в аду. Но зато их не соблазнит идея уничтожить тысячи людей, чтобы заслужить вечность в раю» (с. 239). К этому добавим: под последним можно понимать не только божественный, но и коммунистический рай (в книге *С. Пинкера* немало оснований для столь расширительного толкования).

Эта глава, последняя в третьей части книги, интересна, но, пожалуй, в плане логики она самая спорная. В ней *С. Пинкер* приходит к выводу: «нравственное чувство, каким бы ни был его онтологический статус, — часть стандартного оснащения человеческого разума. Это единственный разум, какой у нас есть, и у нас нет выбора, кроме как принимать его ощущения всерьез» (с. 243). Любопытно, как это напоминает, только напоминает, схоластическую доктрину концептуализма как умеренного реализма, умеренно разрешавшего увлекательный (схоластика всегда увлекательна) спор номиналистов и реалистов средневековья.

Содержание части IV книги полностью определяется ее названием «Познай себя», самой известной дельфийской максимой. Ее первая глава «В контакте с реальностью» (глава 12) посвящена вопросу, по мнению *С. Пинкера*, бесспорному, а по мнению немалого количества тех, кто пытался такой контакт наладить, весьма спорному, доказательству не только возможности, но и постоянного наличия такого контакта.

В этой главе *С. Пинкер* выступает против ряда положений релятивистской философии, «превалирующей сегодня в академических кругах», согласно которой «реальность социально сконструирована использованием языка, стереотипами и медийными образами», «наблюдения всегда подвержены влиянию теорий, а теории идеологизированы и политизированы, так что любой, кто заявляет, что владеет фактами или знает истину, просто пытается захватить власть над остальными» (с. 248). При изложении своей позиции *С. Пинкер* исходит из того, что как он пишет, «лучший способ представить мои аргументы — подкрепить их примерами из исследований восприятия, самой непосредственной связи с окружающим миром. Эти примеры убедительно демонстрируют, что вопрос, является ли реальность социально сконструированной или доступна непосредственно, неправильно поставлен. Ни одна из этих альтернатив не верна» (с. 249). Самое интересное в этой главе — аргументы о вреде и пользе категориальных стереотипов, о их рациональности и иррациональности. На ряде примеров и результатов исследований из когнитивной психологии *С. Пинкер* доказывает, что стереотипы верны гораздо чаще, чем о них думают, и что вопрос о стереотипах нужно ставить не в том смысле, что они обычно не верны, и «не в том, что стереотипы всегда точны, а в том, что они не всегда ложные и даже, как правило, они не ложные. Именно этого можно ожидать, если склонность человека к категоризации — как и другие проявления интеллекта — это адаптация, отражающая свойства мира, важные для нашего благополучия в долгосрочной перспективе» (с. 257). Вторая половина 12-й главы — критика релятивизма в отношении к языку. Как замечает *С. Пинкер*, «странная вещь случилась с языком в интеллектуальной жизни. Вместо того чтобы испытывать к нему признательность за его способность передавать мысли, язык порицали за его власть ограничивать мысль» (с. 259). Аргументы *С. Пинкера* интересны, но на эту тему и так уже имеется множество книг.

Поэтому перейдем к 13-й главе книги, в русском переводе озаглавленной: «То, что нам не по плечу» (но в оригинале: «*Out of Our Depths*»). В этой главе найдут для себя любопытные рассуждения читатели разных профессий, среди которых особо отметим экономиста и преподавателя. Для первого представят интерес

рассуждения о заблуждениях в решении проблемы «справедливой цены» и связанных с этим психологических аспектах проблемы понимания «разницы между менталитетом соблюдения паритета и менталитетом рыночной оценки» (с. 292). Второму разъясняется, что «вопрос не в том, важна ли тригонометрия, а в том, важнее ли она статистики; не в том, должен ли образованный человек знать античную литературу, а в том, что образованный человек должен знать в первую очередь — античную литературу или элементарную экономику. В мире, сложность которого постоянно бросает вызов нашим интуитивным представлениям, избегать решения этих вопросов безответственно». Актуальность этого понятна любому, кто участвовал в распределении учебных дисциплин и учебных часов между кафедрами вуза.

В начале следующей, 14-й главы «Корни наших страданий», *С. Пинкер* лаконично и метко отмечает, что «наш разум приспособлен к миру, которого больше не существует, склонен к заблуждениям, которые может скорректировать только упорное просвещение, и обречен на беспомощность при рассмотрении самых важных для нас вопросов» (с. 301), а заканчивает утверждением, что «без возможности страдания все, что у нас было бы, не гармония и счастье, а, скорее всего, отсутствие сознания вообще» (с. 332). В естественно-эволюционном плане это представляется несомненным.

Помимо анализа эволюционного источника альтруизма, эволюционно обоснованного интереса человека к сплетням и репутациям, эта глава привлекает своей афористической насыщенностью. Добавим к вышеприведенному немножко и будет ясно, что главу стоит читать: «...Любителям колбасы и тем, кто уважает закон, лучше не смотреть, как их делают. То же самое верно для человеческих эмоций» (с. 303); «Непотизм — универсальная человеческая склонность и бич всех больших корпораций. В нем печальная причина отставания стран, управляемых наследственными династиями, и неэффективности правительств и деловых предприятий третьего мира» (с. 305); «Возможно, природа сыграла с нами жестокую шутку, настроив эмоции самых близких друг другу людей вразлад, но этим она обеспечила стабильной работой поколения писателей и драматургов» (с. 332).

О чем может идти речь в главе 15, читатель сразу поймет из ее названия: «Лицемерное животное». Поэтому ограничимся замечанием, что она написана, скажем так, нелицеприятно и с примерами, которые в такой совокупности в отечественной литературе на тему лицемерия не встречаются. А «главная мысль этой главы в том, что нравственное чувство человека не всегда надежная опора для решений о том, какие поступки должны быть выбраны в качестве мишени для справедливого негодования. Нравственное чувство — это устройство, точно такое же, как стереоскопическое зрение или интуитивные представления о числах. Это совокупность нейронных сетей, собранная наспех из более старых частей мозга, доставшихся нам в наследство от приматов, и приспособленная к этой работе естественным отбором» (с. 334).

Часть V «Горячие клавиши» отведена под пять выбранных *С. Пинкером* для исследования «горячих клавиш» человеческой природы: «политика» (глава 16), «насилие» (глава 17), «гендер» (глава 18), «дети» (глава 19) и «искусство и гуманитарные науки» (глава 20).

Среди них самая увлекательная клавиша — «Политика». Эта «глава посвящена тому, как науки о человеческой природе связаны с политическим расколом между правой и левой философией... Идеи эволюционной психологии, поведенческой генетики и некоторых разделов когнитивной нейронауки часто воспринимаются как высказывания в поддержку политических правых, а в современных

университетах это, пожалуй, худшее, что можно о ком-либо сказать. Но невозможно постичь смысл жарких споров на темы мозга, разума, генов и эволюции, не понимая их связи с давними политическими расхождениями» (с. 350). *С. Пинкер* показывает эти связи, не скрывая своего негодования по поводу их существования в академической среде и не замечая, что это то же самое, что негодовать по поводу нашей человеческой природы. В этой главе анализируется, в частности, «спор двух традиций понимания общественного устройства»: социологической (линия *Платона, Гегеля, Маркса, Дюркгейма, Вебера, Кребера, Парсонса, Клода Леви-Стросса*; марксизм) и экономической (линия *Макиавелли, Гоббса, Локка, Руссо, Адама Смита, Бентама*; «консерватизм свободного рынка») в моделях рационального экономического поведения «экономического человека». В связи с этим в политико-идеологическом плане рассматриваются две позиции по проблематике человеческой природы и возможности ее совершенствования — позиция «трагического видения» и позиция «утопического видения» (с. 354).

Согласно первой позиции, «нам повезло жить в обществе, которое так или иначе работает, и главный приоритет для нас — не проморгать его, потому что человеческая природа всегда заставляет нас балансировать на грани варварства. ... Не стоит доверять никаким рецептам изменения общества сверху вниз, потому что это, скорее всего, повлечет за собой нежелательные последствия, худшие, чем проблемы, для решения которых они были придуманы. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это постепенные изменения...» (с. 356). Напоминает позицию некогда (в СССР) яростно критикуемого «ревизиониста» Эдуарда Бернштейна «... Движение — это все».

Согласно второй позиции, «утопическому видению, человеческая природа меняется вместе с социальными условиями, так что традиционные институты не представляют собой вечной ценности. Тогда было тогда, а сейчас — это сейчас. Традиции — мертвая рука прошлого, попытка управлять из могилы. Они должны быть четко охарактеризованы и критически изучены, чтобы убедиться в их целесообразности и моральном статусе. ... Существование страдания и несправедливости ставит перед нами нравственный императив, отрицать который невозможно. Мы не знаем, чего можем добиться, пока не попытаемся, и альтернатива покориться злу как общепринятой норме — немыслима» (с. 357). *С. Пинкер* показывает, как трагическое видение человеческой природы приводит к защите рыночной экономики, как соответствующей сути человеческой природы, и к убеждению, что есть социальные проблемы, до конца не разрешаемые или решаемые дорогой ценой, а утопическое видение — к обвинению рыночной экономики в несправедливости и в сохранении социальных проблем, хотя их решение, по мнению утопически видящих, «не вызовет трудностей» (с. 360). По мнению утопистов, «любой ученый, рассуждающий об ограничениях человеческой природы, видимо, хочет, чтобы угнетение и несправедливость продолжались» (с. 362). Но «сторонники трагического видения не доверяют знаниям, изложенным в четко сформулированных заявлениях, подтвержденных словами, которых в избытке у академиков, ученых мужей и политических аналитиков» (с. 360). И, как с отсылками к результатам французской, российской и китайской политических революций утверждает *С. Пинкер*, «неизбежные ограничения человеческой природы доказывают тщетность политических революций, основанных исключительно на нравственных чаяниях революционеров» (с. 364). Развивая эту мысль, он пишет: «И допущение, что при централизованном планировании руководители были морально бескорыстны и достаточно компетентны для того, чтобы управлять экономикой целой страны, привело к комической неэффективности с серьезными последствиями... Уилсон,

мировой эксперт по муравьям, возможно, оставил за собой последнее слово в своем вердикте марксизму: «Прекрасная теория. Просто не тот биологический вид»» (с. 365). Из книги *С. Пинкера* очевидно, что он с этим вердиктом согласен. Как согласен, хотя и неявно, с цитируемым им высказыванием четвертого президента США *Джеймса Мэдисона*: «Что такое правительство, как не концентрированное отражение человеческой природы?»

В значительной степени, а во второй половине полностью, глава «Политика» посвящена экономическим аспектам политического выбора, обусловленным человеческой природой, рассматриваемым с позиций поведенческой экономики и эволюционной когнитивной психологии.

Первая половина главы 17 «Насилие» — насыщенная множеством отсылок и цитат (включая высказывания Черчилля и Достоевского) доказательство грубейшей ошибочности распространенных в интеллектуальной среде заблуждений о происхождении и существовании насилия под якобы воздействием культуры, а не потому, что такова природа человека. Стремлению понять природу насилия и справиться с ним, а «сокращение насилия в большом и в малом — одна из основных наших нравственных задач» (с. 378), препятствует «стремление узаконить “правильный” ответ», каковым является гипотеза, распространяемая как категорическое утверждение и повторяемая как мантра, что насилие «никак не связано с человеческой природой, это патология, вызванная пагубным влиянием извне. Насилие — поведение, которому нас учит культура». И «эта гипотеза стала центральной догмой светской веры и постоянно декларируется в публичных проповедях, словно ежедневная молитва или клятва верности» (с. 379). Но «утверждение, что “насилие — это выученное поведение”, — мантра, повторяемая благонамеренными людьми, чтобы показать свою уверенность в том, что уровень насилия можно снизить. Оно не основано ни на каких адекватных исследованиях» (с. 381). Вся глава о насилии — это анализ пагубных для общества и человека последствий этой гипотезы, ставшей почти всеобщим убеждением, основанным на столь же всеобщем пагубно-благородном в своей основе заблуждении. Ибо «чисто средовые теории насилия остаются догматом веры потому, что они воплощают в себе “чистый лист” и “благородного дикаря”» (с. 385).

С. Пинкер пугающе убедительно показывает, что в современном мире «любой, кто употребляет слова “насилие” и “биология” в одном абзаце, может попасть под подозрение в расизме, и это заметно повлияло на интеллектуальный климат, окружающий насилие. Но никто еще не попал в неприятности, утверждая, что насилие — полностью выученное поведение» (с. 387). Он показывает это на примерах из англоязычного мира, но, оглядевшись, мы не будем заблуждаться по этому поводу. Однако утверждая, что «есть много причин считать, что человеческая агрессивность — не болезнь или отравление в буквальном смысле, а часть нашего устройства» (с. 388), *С. Пинкер* вместе с тем согласен, что «мы никогда не поймем насилия, изучая только мозг или гены склонных к нему людей. Насилие — не только биологическая и психологическая, это еще социальная и политическая проблема» (с. 391).

Цель второй части 17-й главы — исследовать «логику насилия и причины, которые могли подтолкнуть эволюцию связанных с ним эмоций и идей», «чтобы распутать узел биологических и культурных причин, который делает насилие таким озадачивающим» (с. 391). Пожалуй, не стоит здесь доказывать, что «распутать узел» *С. Пинкеру* не удалось, ведь этот узел несопоставимо сложнее завязанного фригийским царем Гордием. Попытку распутывания *С. Пинкер* начинает словами: «Первое, что необходимо сделать, чтобы понять насилие, — забыть о нашем

отвращении к нему и выяснить, почему оно иногда может быть выгодно с личной и с эволюционной точки зрения. А для этого нужно переформулировать вопрос: не почему насилие совершается, а как нам удастся его избежать» (с. 391). Переформулировав, *С. Пинкер* более десятка страниц отводит проблеме, поднятой *Томасом Гоббсом* в «Левифане», так называемой «Гоббсовой ловушке». *С. Пинкер* завершает главу ссылкой на наблюдение социальных психологов: «жестокости культуры возникают в обществах, которые находятся вне досягаемости закона и в которых человека легко можно лишить ценных активов» (с. 403) — простор для аллюзий!

Следующая, 18-я глава «Гендер» — как минное поле в свете замечания *С. Пинкера*: «Любой, кто знаком с научным миром, знает, как он плодит идеологические культы, склонные к догматизму и устойчивые к критике» (с. 420). И хотя, по мнению *С. Пинкера* (не исключено, что ошибочному), «сегодня многие люди могут с радостью сказать то, чего нельзя было говорить в приличной компании еще несколько лет назад: что ум мужчин и женщин не взаимозаменяем» (с. 432), тем не менее, чтобы не вступать на «минное поле» и не спорить с гендерными кумирами, ограничимся в отношении этой главы лишь несколькими репликами и замечанием, что эта глава написана столь же увлекательно, как и предыдущая глава на тему политики в свете человеческой природы. Суть позиции *С. Пинкера* на тему гендера поясняет его утверждение: «Конечно, сам факт, что корни многих межполовых различий лежат в биологии, не значит, что один пол лучше другого, что различия будут проявляться у всех людей в любых условиях, что половая дискриминация оправдана или что людей нужно заставлять делать типичные для их гендера вещи. Но различий без последствий тоже не бывает» (с. 432). Значительная часть главы посвящена основанному на данных социологических исследований доказыванию тезиса о том, что «если сегодня сравнить распределение качеств женщин и мужчин с распределением профессиональных требований в экономике, вероятность, что доля женщин и мужчин в каждой профессии или их средняя зарплата будут идентичны, очень близка к нулю — даже если бы не существовало никаких барьеров и дискриминации. ... Это зависит от меню возможностей, доступных в конкретном обществе» (с. 437). Заканчивает же главу «Гендер» *С. Пинкер* словами, которые выражают суть его социальной позиции по этой проблеме: «Ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что рост свобод женщин на протяжении прошлого столетия неимоверно обогатил человеческую жизнь. Тем больше причин не дать себя сбить с пути истинного эмоционально заряженными, но не имеющими отношения к нравственности ложными маневрами. Науки о человеческой природе могут укрепить интересы женщин, отделив эти фальшивки от по-настоящему важных целей. Феминизм как движение за политическое и социальное равенство важен, но феминизм как университетская клика, верная эксцентричным доктринам о человеческой природе, — нет. Ликвидировать дискриминацию женщин — важно, но верить, что мужской и женский ум одинаковы от природы, — нет. Свобода выбора необходима, но гарантия, что во всех профессиях будет ровно 50%, не нужна» (с. 458).

В главе 19 «Дети», на которой мы не останавливаемся ввиду ограниченности места, предоставленного нам в журнале, *С. Пинкер* отмечает, что «самое пагубное следствие “чистого листа” не в том, что люди не понимают влияния генов. Оно в том, что люди не понимают влияния среды» (с. 467), и подробно обосновывает этот интересный тезис. Обоснование весьма увлекательное и заслуживает прочтения.

Глава 20 «Искусство и гуманитарные науки» будет интересна читателям журнала «Финансы и бизнес» показом связи деятелей искусства (как создателей шедевров,

так и их ниспровергателей) с экономикой вообще и бизнесом в частности — все это в контексте и на основе человеческой природы. О чем хотел сказать в этой главе *С. Пинкер*, пусть лучше скажет он сам: «В этой главе я поставлю диагноз недомоганиям гуманитарных наук и искусства и предложу некоторые средства для их оживления. Они меня об этом не просили, но, по их собственным оценкам, им нужна вся помощь, какую только можно получить, и я убежден, что решение частично можно отыскать в этой книге» (с. 496). Хотя, скажем мы, вряд ли предлагаемые в главе «средства оживления» таковыми являются, скорее они годятся для некролога.

Пример позиции *С. Пинкера*: «Теперь, когда стало понятно, что модернизм и постмодернизм сделали с высоким искусством и гуманитарными науками, причины их заката и упадка становятся совершенно ясны. Эти движения основаны на ложной теории психологии человека, на “чистом листе”. Они не смогли применить свою хваленую способность — отказ от притворства — к самим себе. И они лишили искусство всей его привлекательности!» (с. 508). И далее *С. Пинкер* раскрывает, какие исторические тенденции, в том числе в экономике массового производства, и какие неотъемлемые свойства человеческой природы привели к этому. Но не ведет речь о том, как оживить что-то. А сопровождает все это утверждение *С. Пинкера* о том, что «элитарное искусство теперь уже невозможно толковать без группы поддержки из критиков и теоретиков. Они не просто оценивают и интерпретируют искусство, но и наполняют его смыслом» (с. 511), и вовсе годится лишь для постмортема, могущего, в лучшем случае, создать лишь видимость живого. Да и о каких «средствах оживления» может идти речь в главе, на предпоследней странице (и в оригинале, и в переводе) которой написано: «Жизнь, сказал Паскаль, напоминает тюрьму, из которой каждый день забирают узников на казнь» (с. 517).

Самая маленькая из всех частей книги — шестая с названием «Голос вида» — пафосно заканчивает книгу, утверждая, что «“чистый лист” вовсе не идеал, на который мы все должны надеяться и молиться, чтобы он оказался правдой. Нет, это антижизненная, античеловечная теоретическая абстракция, отрицающая нашу общую человечность, врожденные потребности и личные предпочтения. Хотя провозглашается, будто он превозносит наш потенциал, на самом деле он делает противоположное, так как наш потенциал порождается комбинацией и взаимодействием удивительно сложных способностей, а не инертной пустотой чистой таблички» (с. 519), и что «в любом случае отказ от “чистого листа” не настолько радикален, как может показаться сначала. Действительно, это революция во многих областях современной интеллектуальной жизни. Но она не перевернет мировоззрения большинства людей, за исключением кучки интеллектуалов, которые позволили своим теориям овладеть ими» (с. 520).

Закончим нашу рецензию утверждением: книга *С. Пинкера* заслуживает чтения. И заверением: это чтение будет увлекательным.

Е. Ф. Мосин,
адвокат, канд. техн. наук,
Санкт-Петербургский университет
государственной противопожарной службы МЧС России